

«Ду Чэнъин, этот человек рождён под звездой великого несчастья — Одиноким звездой гибели. Его путь переплетён с судьбами всего живого. Он явится из земель крайнего севера, где море встречается с огнём. Ему суждено пройти через три великих испытания, познать горечь жизни и смерти, дабы принять на себя тяжкое бремя... Ты — мой самый верный ученик, и я вверяю это дело тебе. Найди это дитя...»

«Учитель, но как мне понять, что это именно он?»

«Когда ты встретишь его, ты поймёшь это без всяких сомнений»

Совершенный Мастер Баошу следовал этому пророчеству десятилетиями. На каждом ребёнке, который хоть в чём-то соответствовал описанию, он оставлял свою особую метку.

В ту ночь, когда Ду Чэнъин поднялся на гору, звёздная карта, скованная заклинаниями, внезапно вспыхнула, высвобождая колоссальную энергию. Баошу не мог ошибиться: Ду Чэнъин был тем самым спасителем из пророчества, рождённым избавить мир от страданий.

Согласно предсказанию, Ду Чэнъину предстояло пройти три круга испытаний: Небесное отторжение, Людское унижение и Мирское отвращение. Небесное отторжение он уже познал — все его близкие и друзья погибли, оставив его в полном одиночестве. Всё, что делал Мастер, было направлено лишь на то, чтобы помочь ученику преодолеть второе испытание.

Баошу полагал, что у него в запасе ещё много времени, но мир охватил хаос как минимум на тридцать лет раньше, чем предрекало пророчество.

А вместо истинного спасителя Водяного Циля вернул какой-то странный Линь Ци.

Баошу не верил, что гадание могло быть ложным. Линь Ци во всём был прямой противоположностью тому герою, которого он ожидал увидеть. Совершив новое гадание, Мастер спустился с горы, но обнаружил духовную бабочку, которая с пугающей жестокостью терзала и медленно убивала демонического культиватора.

Бабочки были наделены душой и несли в себе ауру своего господина — ауру Ду Чэнъина.

Баошу потратил годы на подготовку, и теперь, сопоставив факты, он наконец понял, почему его ученик вернулся из Башни Горной Тени у Небес ни с чем, тогда как Линь Ци вывел оттуда Циля и приручил бабочек.

Но больше всего Мастера потрясло то, что от этой духовной бабочки исходила жажда крови и жестокость, во много раз превосходящая злобу любого демона.

— Что всё это значит, Мастер? — спросил Линь Ци, глядя на клубящуюся чёрную ауру под ногами Баошу. Дурное предчувствие ледяной змеёй скользнуло в его сердце.

Совершенный Мастер Баошу испытывал лишь горькое разочарование и гнев. Неужели обещанный спаситель превратился в это?

— Брат, отойди, — Ду Чэнъин резко прервал его, понизив голос до шёпота. — Я сомневаюсь, что перед нами настоящий Мастер Баошу.

Линь Ци мгновенно вспомнил того демона, что проник в его сон, и невольно отступил. Ду Чэнъин стремительно рванулся вперёд. Дверь за его спиной с грохотом захлопнулась, отсекая юношу от всего, что происходило снаружи.

Уся замер у порога. Его тело начало медленно принимать истинные размеры, пока огромный зверь не загородил собой выход. Обернувшись, он бросил на Линь Ци пристальный взгляд своих изумрудных глаз.

От этого взгляда сердце Линь Ци испуганно ёкнуло. Снаружи воцарилась тишина — пугающая, мёртвая тишина. Опомившись, юноша бросился к двери, но Уся ловко перехватил зубами подол его халата.

— Уся,пусти! — в отчаянии выкрикнул Линь Ци.

Цилинь лишь слегка поднапрягся и забросил юношу себе на спину. Его длинная шерсть, словно живая, мгновенно опутала Линь Ци. Хватка была мягкой, не причиняющей боли, но вырваться из неё было совершенно невозможно.

Оказавшись в плену у собственного любимца, Линь Ци в смятении обратился к Системе.

«Кто там, за дверью? Мастер Баошу или демон?!»

[А ты сам как думаешь?]

Мысли Линь Ци спутались.

«У меня нет сомнений, что снаружи стоит настоящий Совершенный Мастер Баошу. Своё чутьё я всегда ценил, но Ду Чэнъин... Подозрения в его отношении медленно таяли, точно я был той самой лягушкой, которую варят на медленном огне. Я даже мучился угрызениями совести и пролил немало слёз из-за своих сомнений»

Если бы не внезапное появление Баошу...

«Я бы точно...» — юноша побоялся додумывать эту мысль до конца.

[Зачем ты так много думаешь? Смягчи его любовью, я ведь с самого начала тебя этому учила]

Линь Ци промолчал.

Прошло немало времени, прежде чем дверь снова открылась. Шерсть, сковывавшая Линь Ци, наконец опала. Юноша не шевелился, продолжая лежать на спине зверя. Он лихорадочно соображал: прикинуться дураком или всё же потребовать правды?

В нос ударил резкий запах крови. Оцепенение мгновенно спало. Соскользнув со спины Уся, Линь Ци увидел Ду Чэнъина в ужасающем состоянии. На его плечах зияли две глубокие раны, из которых сочилась кровь. Он прижимал руку к груди, но алые струйки всё равно пробивались сквозь пальцы.

— Здесь небезопасно... — прошептал тот, смертельно бледный. — Нужно уходить.

Вид этих тяжёлых ран лишил Линь Ци остатков самообладания. Подозрения вновь отошли на второй план. Помогши раненому забраться на спину Циляня, юноша легонько похлопал зверя по шее:

— Уся, уноси нас.

Ду Чэнъин был ранен очень серьёзно. Линь Ци помнил, что тот всегда умел стойко переносить боль: раньше, когда он обрабатывал ему раны, Ду не издавал ни звука. Но теперь он то и дело стонал — очевидно, мучения стали невыносимыми.

Линь Ци поддерживал его, а в голове царил хаос. Юноша был уверен, что пришедший был настоящим Баошу. Значит, именно Мастер ранил Ду Чэнъина. Но ведь Баошу в этой истории — персонаж скорее отрицательный... Был ли Ду Чэнъин невинной жертвой или во всём этом крылось нечто иное? Голова Линь Ци буквально раскалывалась.

Уся нёсся во весь опор, пока не остановился у берега лесного ручья, окутанного густым туманом. Стоило ему замереть, как Ду Чэнъин соскользнул со спины зверя. Линь Ци не успел подхватить его: Ду рухнул на землю, потеряв сознание.

Что ж, теперь разговоры стали бессмысленны.

Линь Ци подавил все вопросы и принялся врачевать раны. Когда он распахнул окровавленный халат, его взгляду открылись глубокие, до костей, порезы, от которых исходила едва заметная чёрная дымка — метка демонического культиватора. Взглянув на безжизненно-бледное лицо Ду Чэнъина, юноша снова заколебался.

Эти вечные метания... он перестал узнавать самого себя. Куда делся тот решительный и беспристрастный координатор? Почему теперь он во всём сомневается?

В лечении ран Линь Ци был мастером. Он быстро обработал повреждения и, так как одежда вся пропиталась кровью, просто набросил на Ду Чэнъина чистый плащ. Уся подошёл и попытался ластиться, но Линь Ци остался холоден: он прекрасно помнил, как этот зверь удерживал его, не давая вмешаться.

Линь Ци долго смотрел на Ду Чэнъина с закрытыми глазами и вдруг тихо произнёс:

— Можешь открывать глаза.

Тот не шелохнулся.

Линь Ци поднялся на ноги.

— Я ухожу.

Но Ду Чэнъин продолжал лежать. Окровавленные одежды были в беспорядке, сквозь свежие повязки уже проступили пятна, лоб блестел от холодного пота, а пряди волос прилипли к лицу. Он выглядел настолько жалко, насколько это вообще было возможно.

Линь Ци медленно опустился на корточки. Он осторожно убрал мокрые волосы с его лба.

«Ду Чэнъин, ты и впрямь ставишь меня в неловкое положение»

Линь Ци собирался караулить его сон, но сам не заметил, как задремал. Когда он проснулся, солнце было уже высоко. Уся лежал рядом, охраняя его покой. На траве виднелось пятно подсохшей крови, но самого Ду Чэнъина нигде не было.

Юноша потормошил Циляня:

— Где Ду Чэнъин?

Уся соорудил невинную морду.

— Не притворяйся, — прошептал Линь Ци. — Ты ведь знаешь, что я в курсе: вы заодно.

Цилянь обиженно мяукнул, но в глазах его мелькнуло лёгкое смущение.

Линь Ци коснулся его усов, и на его лице отразилась усталость.

— Неужели всё не может быть проще?

Уся положил голову на лапы. Он и сам не понимал, почему люди всё так усложняют.

— Брат, ты проснулся, — раздался за спиной слабый голос.

Линь Ци обернулся. Халат Ду Чэнъина был небрежно наброшен на плечи, белые бинты тянулись от плеча к узкой талии. В руках он держал подстреленного пёстрого фазана. Лицо его всё ещё оставалось бледным, но, глядя на Линь Ци, он заставил себя улыбнуться.

— Вчера ты так и не успел поужинать.

Линь Ци промолчал. Он действительно не знал, что сказать. Пока он терзался подозрениями, Ду Чэнъин думал о том, что юноша остался голодным?

Линь Ци почувствовал, что не может быть настолько бессердечным. Все гневные вопросы застряли в горле.

— Брат, ты ранен. Тебе нужно отдыхать, а не охотиться, — только и смог произнести он.

Ду Чэнъин покачал головой:

— Пустяки.

Ручей мерно журчал по камням. Линь Ци усадил собеседника и сам принялся ощипывать птицу. Вид у него был отрешённый. Тот накрыл его ладонь своей. Юноша поднял взгляд и встретил тот же, полный бесконечного терпения взор.

— Давай я.

Линь Ци ощутил внезапное бессилие.

— Ду Чэнъин, ты...

Он долго смотрел в эти глубокие глаза, но в конце концов сдался. Опустив голову, он сухо бросил:

— Сиди смирно. Я сказал — я сделаю, значит, я сделаю. Ложись и отдыхай.

Ду Чэнъин медленно убрал руку. Он присел прямо на землю. Рана на плече всё ещё подкраивалась, но он не чувствовал боли. Он сам нанёс себе этот удар и ни о чём не жалел. Пока Линь Ци оставался рядом с ним, всё остальное не имело значения.

Костёр весело потрескивал, разбрасывая искры. Они сидели друг напротив друга. Уся устроился перед ними, преграждая путь лесной прохладе и ночным теням своим массивным телом. Линь Ци взял веточку и принялся рассеянно рисовать на земле. Тень Ду Чэнъина дрожала в свете пламени; отблески костра озаряли его безупречное лицо, когда он сидел, погружившись в раздумья.

— Брат, — негромко начал Ду Чэнъин. — Тот демон, что принял облик Мастера Баошу... я не знаю, каковы были его цели. И я не знаю, примут ли другие демоны облик тех, кому мы доверяем. Ради твоей безопасности... я думаю, нам больше нельзя разлучаться.

— Угу, — вяло отозвался Линь Ци.

В голове его всё перемешалось: демон под ногами Баошу, умирающая бабочка, слова Мастера о разочаровании и этот проклятый стопроцентный уровень озлобления Ду Чэнъина.

Ему нестерпимо хотелось выложить всё начистоту. Линь Ци замер, а затем с силой воткнул ветку в землю и посмотрел на Ду Чэнъина. Тот, почувствовав его взгляд, медленно повернул голову. Что бы ни случилось, он никогда не избегал взгляда Линь Ци.

В его тёмных глазах читались лишь спокойствие и искренность. Линь Ци крепче сжал ветку. Он понимал: если сейчас промолчит, сюжет окончательно зайдёт в тупик. Собравшись с духом, он произнёс:

— Ду Чэнъин, хватит мне лгать.

Его голос прозвучал твёрдо и отчётливо. Уся мгновенно выпрямился, его морда посуровела, а в изумрудных глазах вспыхнул опасный огонёк. Куда-то исчезла вся его былая неуклюжесть — зверь начал медленно источать ауру истинного божественного защитника.

Тот бросил на зверя короткий холодный взгляд, и Цилинь тут же съёжился обратно.

— Я лгу тебе? — медленно переспросил Ду. — В чём же я тебя обманул?

Ладони Линь Ци дрожали. Ду Чэнъин выглядел совершенно спокойным, несмотря на бледность и сочащуюся кровь. Стиснув зубы, юноша отчеканил:

— Тот человек... это был настоящий Совершенный Мастер Баошу.

Лицо Ду Чэнъина стало ещё белее. На его губах промелькнула горькая усмешка, а голос зазвучал совсем слабо:

— И только поэтому ты так со мной говоришь? Брат, неужели ты готов судить меня за это?

Линь Ци растерялся. Он ожидал страха или оправданий, но не этого.

— Мастер Баошу всегда меня ненавидел, — Ду Чэнъин отвернулся, точно не в силах скрыть свою боль, и голос его стал совсем тихим. — Он — великий мастер, и если он решил меня ранить, мне нечего сказать. Но я не хотел, чтобы ты разочаровался в ордене. Не хотел, чтобы ты бросился меня защищать и поссорился с учителями. Это бы погубило тебя.

Он с нескрываемым страданием посмотрел на юношу.

— Я и подумать не мог... что ты обвинишь меня во лжи...

Юноша замер.

— Значит, в твоих глазах я просто лжец, — тот глухо закашлялся, прижимая руку к сердцу, и начал тяжело подниматься. — В таком случае я ухожу...

— Брат! — Линь Ци поспешно вскочил и схватил его за руку. — С такими ранами?! Ты же пропадёшь! Сядь немедленно!

Ду Чэнъин мрачно покачал головой.

— Я обманул тебя. Даже если я погибну — это будет лишь по заслугам.

Линь Ци до боли закусил губу.

— Прости... я был неправ.

В уголках глаз Ду Чэнъина на миг сверкнула искра триумфа, скрытая за маской печали.

— Не нужно извиняться. Что бы ты ни думал обо мне, что бы ни говорил — я никогда не стану тебя винить.

Линь Ци почувствовал, как его захлестывает волна невыносимого стыда и раскаяния.

<http://bllate.org/book/15815/1423723>